

Кроме ажиотажного спроса на еженедельник, он вызвал и брызжание литературных снобов, назвавших роман «сочинением стриптизёрки». Пара камней вечером было брошено в окна дома, где живет автор. Повествование о молодой женщине, живущей в тогда еще советском Таллине, словно в гетто, вынужденной ради того, чтобы прокормить семью и хоть иногда чувствовать себя женщиной — стать танцовщицей варьете и порнозвездой, сохраняя при этом удивительную чистоту души в метаниях между покупающими ее советскими буржуа и бандитами и скромным мужем-инженером, которого она очень любит, — взволновало многих.

Автор — жена одного из известнейших коммерсантов Таллина (в недавнем прошлом неплохого физика!) — десять лет блистала на сцене популярнейшего в СССР варьете «Таллин-бара». И была первой в стране танцовщицей, которая вышла на сцену абсолютно обнаженной, доказав, что для настоящего художника нагота — лишь еще один вид сценического костюма, а не самоцель.

Не один год киногруппы различных студий, снимавшие в эстонской столице фильм «про западную жизнь», сходу включали в уже почти готовые ленты какую-нибудь сцену с обнаженной танцовщицей или путаной, забредшей в номер одного из персонажей. И не всегда это был только «оживляж».

Потом была работа балетмейстером, рождение театра-варьете «Кахаду», откуда стриптизы Москвы быстро разокрали танцовщиц с готовыми хореографическими номерами, возвращение в Таллин, роман...

— **Таня, почему ваша танцовщица «из гетто»?**

— Когда русская дева из Тулы выходит замуж за красивого таллантливого еврея, окончившего Тверской университет, и оказывается на сцене варьете в Таллине, в котором тогда даже таблички в ЦК КПЭ были на русском, и только на русском, — это просто прыжок из одного гетто в другое. Сейчас одно большое гетто — СССР — распалось на множество мелких, вчерашние угнетенные сегодня стали угнетателями (еще менее приятными, чем те, кто ими помыкал прежде!), и нет нового Киплинга, который сказал бы что-нибудь типа: «Несите бремя белых!».

— **И что же, вы — новый Киплинг?**

— Конечно, нет!.. Мое тщеславие вполне удовлетворено, если после прочтения моего романа мужчина вздохнет: «Такая баба — и не моя!». Мне бы очень хотелось помочь женщинам не быть такими «скучными образами», от которых дурил герой известной песни Высоцкого.

Питерский кардиолог профессор Тушинский иллюстрировал своим студентам развитие порока сердца кардиограммами балерины Мариинки до и после выступления. Я не кардиолог, но, как мне кажется, смогла несколько расширить общепринятое представление о женском сердце, проломившись через гору хрестоматийных острот про «скотинку глупую, но забавную» и «верблюдицу, призванную перенести на себе мужчину через пустыню жизни».

Леди начинала

Сразу несколько московских и питерских издательств соревнуются за право первого издания романа **Татьяны Блейхер «Танцовщица из гетто»**. Три месяца печатавшийся из номера в номер в таллинском еженедельнике «Русский экспресс» роман стал в Эстонии хитом литературного сезона.

В кордебалете

Нужны остроты про «скотинку глупую, но забавную» и «верблюдицу, призванную перенести на себе мужчину через пустыню жизни».

Ну а что до восприятия некоторых подробностей моей биографии — они лишь помогают привлечь внимание к книге. И те, кто еще способен читать, воспринимают образы, а не биографическую справку об авторе, действительно танцевавшей и снимавшейся в кино «в чем мать родила».

Книга о том, что мало быть Магелланом — надо еще, чтоб где-то был Магелланов пролив, и что не надо оставлять попыток привить грекам варяжскую дисциплину — потому, что ведь путь из варяг в греки, а не наоборот. И что в личной жизни, совсем как в большой дипломатии, сильные жесты — не сильная политика.

Когда писала роман — пыталась разобраться в себе и своей жизни, а не «потрясти мир». В моем возрасте о «потрясениях» уже не мечтаешь... И когда мне сегодня звонят читательницы, разыскав по таллинской телефонной книге, и просят советов, я отвечаю, что вы несколько не по адресу — ведь все это иллюзия, и несколько наивно думать, что о мире знают больше те, кто по нему передвигается.

Мне очень нравится китайская поговорка: «Кто никуда не ездил — вернулся отовсюду!».

— **В вашей книге мне показалось убедительным почти все, кроме поразительного чутья героини на «запасные варианты» в отношении с мужчинами...**

— А что в том плохого? Давно замечено — лучше здоровый инстинкт, чем большой интеллект.

— **Если уж мы заговорили об инстинктах, то совершенно не**

объяснена в романе причина отсутствия у мужа героини традиционного собственнического инстинкта мужчины, крайне редко восторгающегося тем, что его любимая ежевечерне обнажается перед другими.

— В актерской среде на подобное давно уже смотрят спокойно. И сегодня мало кто из эмансипированных дам спрашивает на «это» разрешение.

— **Но ваша-то героиня не традиционная «эмансипе» и ее муж не актер.**

— Знаете, я никогда не была стриптизёркой. И, выходя на сцену абсолютно нагой, умела хранить собственное достоинство, быть «загадкой, обернутой в тайну», несмотря на наготу.

— **Большинству из нас, людей обычных и привыкших к несколько более доступной «степени секретности», поверить в такое почти невозможно!**

— Я понимаю... Но любой выход на сцену под сотни чужих глаз — такое преодоление себя, что уже и не слишком важно, надето на тебе что-либо или нет. Порхая по сцене или съёмочной площадке, я от души веселилась: как много мужиков лютой завистью завидуют моему «повелителю» и как много дам ненавидят меня, сравнивая мою внешность со своей.

Вообще — любое произведение искусства воспринимается лишь в определенном контексте. Скажем, с тех пор, как гитлеровцы приспособили «Серенаду» Листа для выпусков радионовостей — у многих поколений на нее аллергия. Но музыка-то не перестает быть великой!

На днях я заглянула к одной давней приятельнице, на которую в очередной раз накатила хандра, и она вызвала своего домашнего доктора. Тот пришел, вымыл руки, погладил свою бороду: «Раздевайтесь, Мариночка!». Нахалка тут же сбросила свой бурнус и прилегла на диван в позе, заученной в Эрмитаже. Мне даже показало, что в их отношениях это некий ритуал, а не просто визит доктора к пациентке. Он посмотрел на нее, как на картину, вздохнул: «Да, хороша! Одевайтесь, Мариночка...». Потом пили чай и он советовал ей вести более упорядоченный образ жизни.

А я думала, что для меня только что опубликованный роман нечто вроде такого вот визита доктора, жизненно необходимого каждой из нас, грешных. Чтоб всё, как у Пушкина: «Простая дева, с мечтами, с сердцем прежних дней теперь опять воскресла в ней!..»

Я всегда иронизировала над людьми, «начинающими новую жизнь». И с выходом романа она подкралась ко мне: не маленькая — после выходного — и не большая — после отпуска. Настоящая!

Но если всякая философия непременно — приготовление к любви или смерти — давайте уж лучше готовиться к любви!..